

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

В. А. СИМХОВИЧ

КИБЕРБУЛЛИНГ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье дается обоснование кибербуллингу (онлайн-насилие, виртуальный террор) как социальной проблеме современного общества. Острый характер проблемы объясняется глобальным распространением феномена как универсального способа самоутверждения главным образом среди подростков, травматичными последствиями виртуального террора, влекущими за собой проблемы социализации, деструктивные изменения личности подростков и их девиантное поведение. Обосновывается необходимость изучения кибербуллинга усилиями педагогов, психологов, социологов и правоведов.

Ключевые слова: виртуальная коммуникация; кибербуллинг; социальная проблема; травматичные последствия.

УДК 159.922.8

В современном обществе в связи с развитием информационных технологий многие явления приобретают новые черты. Это в полной мере касается феноменов социализации и повседневного общения. Российские эксперты [1] отмечают, что процесс социализации все больше и больше перемещается в Интернет вместе с референтными группами, знакомствами, освоением различных социальных ролей и норм. Однако погруженность в виртуальный мир меняет специфику межличностного общения. Виртуальная коммуникация отличается от реального взаимодействия анонимностью, опосредованностью, неконтролируемостью, снижением пределов нравственных и социальных границ, что может приводить к случаям буллинга в Сети.

Буллинг (от англ. *bullying* — издевательство, травля, запугивание) в реальном общении случается в разных возрастных группах, например, в рабочих коллективах или армии (дедовщина), однако чаще всего он наблюдается в среде подростков (яркий пример описан в повести В. К. Железникова «Чучело», по которой Р. Быков снял одноименный фильм). Травля в сети Интернет, онлайн, получила название кибербуллинга.

Валентина Александровна СИМХОВИЧ (simkhovich_V@mail.ru), доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

Кибербуллинг — это преднамеренное, повторяющееся враждебное поведение отдельных лиц или групп с целью нанесения вреда другим посредством информационных и коммуникационных технологий (Интернет и мобильные телефоны) [2]. Он преследует ухудшение эмоциональной сферы жертвы и/или разрушение ее социальных отношений. Виртуальный психологический террор имеет травматичные последствия (депрессия, суицид и т. п.), приводящие к стойким личностным изменениям, которые вызывают трудности социализации подростка и девиантное поведение, а также препятствуют его способности реализовать себя в будущем.

Цель статьи заключается в обосновании кибербуллинга как социальной проблемы современного общества.

В настоящее время кибербуллинг представляет собой острую социальную проблему. Ее объективное обоснование строится на глобальном распространении феномена как универсального способа самоутверждения в современном обществе. Распространяется данный способ благодаря специфике виртуальной коммуникации, которую американский исследователь А. Купер описывает через принцип трех А («triple-A engine» — Anonymity, Accessibility and Affordability): анонимность, доступность и низкая цена [3, 19]. Анонимность означает отсутствие возможности для жертвы вычислить автора сообщения по результатам его деятельности, с одной стороны. С другой стороны, в силу анонимности исполнитель быстрее решается на буллинг, а эффект дистанцирования позволяет осуществлять гораздо более жестокие вещи, чем при реальной коммуникации. Благодаря мобильным устройствам и беспроводным сетям виртуальная коммуникация доступна 24 часа в сутки, причем стоимость доступа в Интернет очень низкая.

Распространению буллинга в Сети способствуют и другие особенности виртуальной коммуникации. В частности, опосредованность как отсутствие прямого диалога, при котором пользователи видят друг друга и применяют невербальные средства коммуникации, неограниченность по времени, когда пользователь может в любой момент выйти из диалога или продолжить его, мультимедийность как доступность различных способов коммуникации (текст, графические изображения, фото- и видеоматериалы), снижение пределов нравственных и социальных границ, что может вызвать проблемы культуры общения.

Хотя кибербуллингу подвержены различные группы пользователей, наиболее уязвимой группой являются тинейджеры. Именно подростки в возрасте от 12 до 15 лет, ведущие активную онлайн-жизнь и пользующиеся различными социальными сетями, составляют целевую аудиторию кибербуллинга. Выбор данной возрастной группы объясняется тем, что подростки самостоятельно, но бессистемно овладевают Интернетом, идеализируя его как ресурс, но не учитывая в полной мере его риски [4, 120–121]. Недооценивая чужой травмирующий опыт, подростки остаются в нерелексивной позиции и по отношению к собственным переживаниям в Интернете.

Глобальное распространение кибербуллинга среди подростков подтверждают данные исследований. Так, западные социологи отмечают, что каждый пятый тинейджер из развитых стран, где уровень распространения Интернета превышает 90 % (США, Канада, страны Европы), сталкивался с травлей в Сети [5]. По данным американского исследовательского центра кибербуллинга (Cyberbullying Research Centre), онлайн-насилию подвергается уже каждый четвертый тинейджер США. Из европейских стран больше всего детей и подростков подверглось кибербуллингу в Польше — 52 % и Эстонии — 31, меньше всего в Бельгии — 10 %. Причем в большинстве случаев, в среднем по странам ЕС и США, 60–70 % потерпевших знали преследователей лично [6].

По данным опроса 2014 г., проведенного компанией «МакАфи» [7], которая занимается изучением поведения подростков в виртуальном пространстве, причинами травли американских подростков стали внешность — 72 %, национальность или вероисповедание — 26, половая сфера — 12 %. Каждый четвертый подросток не знает, что делать, если он станет объектом травли в Сети. 50 % тинейджеров оказались вовлечены в конфликты в связи с публикациями в социальных сетях, что на 51 % выше показателя 2013 г. Рост показателя вызван тем, что подростки активно делятся информацией личного и конфиденциального характера: 52 % не отключают функцию определения местонахождения или GPS-сервис в приложениях, 14 % публикуют свой домашний адрес. Исследователи подчеркивают, что рискованное онлайн-поведение может сделать подростков не только еще более уязвимыми в Сети, но и преследовать их в реальной действительности.

В России кибербуллинг также распространен весьма широко. Российское исследование 2010 г., проведенное в рамках международного исследовательского проекта Еврокомиссии EU Kids Online II, показало, что в России объектами травли в Интернете становятся 10 %, тогда как этот показатель для европейских стран составляет 6 % [8].

Согласно результатам исследования 2012 г., проведенного компанией «Майкрософт», объектами кибербуллинга стали 47 % россиян в возрасте от 8 до 17 лет [9]. Отчет по результатам международного исследования «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья», проведенного ВОЗ в 2013—2014 гг., содержит данные, что в России около 11 % детей младшего школьного возраста подвергались оскорблениям в онлайн-сообщениях более двух раз в месяц [10, 207—210]. Это самый высокий показатель среди 42 стран, включенных в выборку (средний 3—4 %). По словам директора Фонда развития Интернет Г. У. Солдатовой, с годами эта ситуация не улучшается [11]: в России каждый пятый ребенок регулярно сталкивается с травлей в реальной жизни или в Интернете, а каждый четвертый выступает в роли агрессора. Оценить динамику роста кибербуллинга очень сложно, так как не каждый ребенок сознается в подобных действиях; реальная статистика, как правило, гораздо выше прогнозируемых показателей.

Российские исследователи выявили особенности интернет-поведения тинейджеров страны, влекущие за собой рост показателей онлайн-буллинга. Известно, что любой пользователь Интернета может завести индивидуальный профиль в социальных сетях и публиковать информацию разной степени откровенности. Индивидуальный профиль в социальных сетях имеют более 72 % российских подростков. Однако их высокая пользовательская активность сочетается с низким уровнем понимания рисков, связанных с отсутствием конфиденциальности, нарушением личных границ и возможностью злоупотребления доступной информацией, а также способов их избегания или преодоления, в связи с чем риск попадания детей в небезопасные ситуации велик [12, 180]. В зоне риска до 80 % российских тинейджеров, которые выкладывают в сеть свою фамилию, точный возраст, номер школы; у трети из них настройки профиля позволяют видеть личную информацию о пользователе [13].

Первые попытки исследовать явление кибербуллинга также сделаны в Беларуси. На данный момент было проведено несколько опросов подростков минских школ, которые подтверждают наличие феномена кибербуллинга в Беларуси. Все респонденты являются активными пользователями интернет-пространства (60 % из них проводят в социальных сетях более одного — двух часов в день) и зарегистрированы в различных социальных сетях. Наибольшее число респондентов имеют аккаунты в социальной сети «ВКонтакте» (от 70 до 100 % опрошенных), что объясняется большей степенью ее адаптирован-

ности для пользователей стран СНГ, нежели у других социальных сетей [14, 93]. Более 72 % опрошенных подростков сталкивались с онлайн-буллингом; 20 выступали в роли жертвы; 14 — в качестве агрессора; 6 % — в роли свидетеля травли. 23 % подростков успели побывать в роли агрессора и жертвы, причем нередко они не замечают смену ролей, когда из жертвы становятся агрессором или наоборот [15, 48]. В сравнении с другими странами ситуация в Беларуси не выглядит лучше, ибо вся масштабность распространения феномена в стране пока еще не выявлена.

Процесс кибербуллинга реализуется с участием агрессора (кибербуллер), жертвы и свидетеля. Психологи идентифицировали тех, кто обычно становится жертвой: тот, кто слабее или каким-то образом отличается от других. Это может быть внешнее отличие (физический недостаток), неразвитые социальные навыки («домашние» дети), болезни, особенности поведения (замкнутость, импульсивность) и т. п. Психологи также выявили факторы, которые способствуют формированию агрессивного поведения. К ним относятся материнская депривация, неполные семьи, властные и авторитарные семьи, генетическая предрасположенность к насилию и т. п. [см. например, 16]. По данным исследований, кибербуллингу часто подвергаются дети, которые являются изгоями и в реальной жизни.

Кибербуллинг может проявляться в различных формах. Классификация Н. Уиллард включает 8 форм: оскорбление; домогательство; распространение слухов и очернение; публичное разглашение личной информации; использование фиктивного имени; социальная изоляция как отказ общаться, исключение из группы Instant-Messenger, игрового сообщества и т. д.; продолжительное домогательство и преследование как систематическое (сексуальное) преследование кого-либо, сопровождающееся угрозами и домогательствами; и открытая угроза физической расправы [17].

Исследователи идентифицировали причины онлайн-травли подростков. Основной причиной является стремление к превосходству. Тинейджерам очень важно добиться общественного признания тогда, когда у них еще не хватает ресурсов, сил и терпения, чтобы утвердиться самостоятельно. Именно по этой причине подростки стремятся самоутвердиться за счет унижения других в глазах окружающих. Желание самоутвердиться или повысить свой авторитет в компании сверстников может иметь негативное направление у тех, кто обнаруживает слабую способность к адаптации, кто агрессией борется за превосходство. Другой причиной является чувство собственной неполноценности, которое влечет за собой зависть и месть. Комплекс неполноценности у индивида может возникнуть в результате разных причин: дискриминации, душевных травм, ошибок, неудач и т. п. Кибербуллинг содержит все необходимые условия для компенсации собственной неполноценности — от создания виртуального (субъективно идеального) образа «Я» до самоутверждения через принижение другого. К иным причинам относятся страх, когда из-за боязни стать жертвой травли примыкают к сильной группе коллектива; скука, вызывающая негативный комментарий и т. п.; межкультурные конфликты (различия в культуре, языке, традициях); проблемы в семейных взаимоотношениях; неумение разрешать конфликты; индивидуальные особенности индивида (нетипичная внешность) и даже развлечение. Кибербуллинг может начаться с шутки, если она носит язвительный характер. Агрессию могут вызвать ироничная или даже безобидная шутка, если ее адресат не обладает чувством юмора [18, 37—40].

Существует прямая зависимость между кибербуллингом и низкой успеваемостью подростков, трудностями с учебой в школе, агрессивным поведением, сложностями в общении со сверстниками, случаями небезопасного секса и употреблением психотропных веществ [10, 207].

Последствия кибербуллинга носят негативный, травматичный характер, в силу чего данный способ самоутверждения наносит ущерб всем, кто в него вовлечен: не только жертвам, но и агрессорам, а также тем, кто наблюдает за ситуацией, не вмешиваясь в нее. У жертв кибербуллинга наблюдается целый ряд травматичных последствий психологического, педагогического, физиологического (медицинского) и социального характера: депрессия, самоповреждение, суицидальные наклонности, даже самоубийство. Они приводят к стойким личностным изменениям, которые препятствуют способности подростка реализовать себя в будущем. Между положением жертвы и негативными последствиями кибербуллинга выявлена однозначная устойчивая связь, и психологи и педагоги выражают озабоченность по поводу этой связи.

Однако социальные последствия кибернасилия не менее травматичны, так как проявляются во множестве аспектов: вред для жертвы и агрессора, вред для общества в целом. Длительное хранение в Сети травмирующей информации вызывает деструктивные изменения личности, межличностных отношений, деятельности и отдельного ребенка, и групп детей. Как правило, жертвы насилия испытывают трудности социализации и решение своих проблем часто находят в девиантном поведении. В частности, о социальных последствиях онлайн-буллинга как проблемах в социальной жизни подростка свидетельствуют сигналы его подавленности: скрытость, нежелание идти на контакт с родителями и друзьями, избегание школы, школьных и других компаний, что приводит к потере коммуникативных навыков — дезадаптации — дезинтеграции и, в конечном счете, девиантному поведению. Можно высказать предположение, что кибербуллинг как форма девиантного поведения и рост правонарушений определенным образом связаны, однако данный аспект проблемы пока остается вне поля зрения правоведов и экспертов в области социологии права, так как их работ в открытой печати не обнаружено.

Результаты зарубежных исследований подтверждают, что последствия школьного насилия могут проследиваться на протяжении десятилетий [19]. В частности, став взрослыми, бывшие жертвы буллинга в школе гораздо чаще жалуются на проблемы со здоровьем, страдают от депрессии, нервных расстройств и склонны к суициду.

В настоящее время современные подростки научились самостоятельно искать в Интернете информацию и завязывать знакомства. Но наедине с Сетью им труднее критически оценивать найденное, осваивать свой контент и осуществлять взаимодействие с интернет-сообществами. Так как целью кибербуллинга является ухудшение эмоциональной сферы жертвы и/или разрушение ее социальных отношений, что влечет за собой негативные травматичные изменения психологического и физического состояния, социальных навыков и социальности как важнейшей характеристики деятельности индивида в целом, разрабатываются способы и методы борьбы с онлайн-буллингом. Они включают технические средства, ограничивающие нежелательный контент (фильтры, цензура), кнопки тревоги («пожаловаться») в социальных сетях и на веб-сайтах, предназначенные для подключения к неприятной ситуации сотрудников сайта, настройки конфиденциальности персональных аккаунтов. Кроме того, интернет-пользователей обучают основным правилам безопасности и корректного поведения по отношению к другим пользователям. С этой целью в США, странах Европы разработаны специальные веб-сайты, посвященные повышению грамотности и обучению корректному, неагрессивному поведению в Сети, обсуждению ценностных аспектов поступков в Интернете (например, <http://mediasmarts.ca/>, <https://www.wiredsafety.org/>). В Руне-

те сегодня идет интенсивная работа по цензурированию контента, развитию фильтров, разработке рекомендации для детей, родителей и педагогов в рамках проекта «Дети онлайн» [12, 187]. Для помощи жертвам онлайн-травли разработана модель, способствующая восстановлению личности [20, 125]. Однако данная модель базируется исключительно на положениях психологии и педагогики, тогда как достижения социологической науки, например социологии личности, социологии молодежи или социологии девиантного поведения, применения в ней не нашли.

Белорусским исследователям сегодня не нужно доказывать опасность кибербуллинга для социализации подрастающего поколения. Осознавая негативный характер его последствий, педагоги и психологи считают необходимой диагностику образовательной среды школы для выявления факторов риска и обеспечения безопасной образовательной среды, в том числе и виртуальной. В Беларуси осуществляется профилактика онлайн-буллинга, обучение безопасному поведению в Сети и т. п. В Уголовном кодексе Республики Беларусь есть статья 343, которая предусматривает ответственность за изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера. Однако противостоять кибербуллингу можно только совместными усилиями, поэтому данный феномен должен стать предметом исследования не только психологов и педагогов, но также социологов и правоведов. Кибербуллинг остается невидимым, а нанесенный им ущерб — нераспознанным, но вполне реальным, несмотря на виртуальность этой проблемы.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. *Кондрашкин, А. В.* Девиантное поведение подростков и Интернет: изменение социальной ситуации / А. В. Кондрашкин, К. Д. Хломов // Психология. Журн. Высш. шк. экономики. — 2012. — № 9 (3). — С. 102–113.
Kondrashkin, A. V. Deviantnoe povedenie podrostkov i Internet: izmenenie sotsialnoy situatsii [Deviant Behavior of Teenagers and the Internet: Change of Social Situation] / A. V. Kondrashkin, K. D. Hlomov // Psihologiya. Zhurn. Vyssh. shk. ekonomiki. — 2012. — N 9 (3). — P. 102–113.
2. *Hinduja, S. K.* Bullying Beyond the Schoolyard: Preventing and Responding to Cyberbullying / S. K. Hinduja, J. W. Patchin. — 2nd ed. — Thousand Oaks : Corwin, 2014. — 312 p.
3. *Cooper, A.* Sexuality and the Internet: Surfing into the New Millennium / A. Cooper // CyberPsychology and Behavior. — 1998. — № 1 (2). — P. 181–187.
4. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / Г. У. Солдатова [и др.]. — М. : Фонд Развития Интернет, 2013. — 144 с.
Tsifrovaya kompetentnost podrostkov i roditeley. Rezultatyi vserossiyskogo issledovaniya [Digital Competency of Teenagers and Parents. Results of all-Russian Research] / G. U. Soldatova [i dr.]. — M. : Fond Razvitiya Internet, 2013. — 144p.
5. *Elgot, J.* One in Five Young People Has Suffered Online Abuse, Study Finds [Electronic resource] / J. Elgot // The Guardian. — 2015, 22 September. — Mode of access: <https://www.theguardian.com/society/2015/sep/22/cyberbullying-teenagers-worse-than-drug-abuse-says-report>. — Date of access: 10.11.2017.
6. 2010 Cyberbullying Data [Electronic resource] / Cyberbullying Research Centre. — Mode of access: <https://cyberbullying.org/2010-data>. — Date of access: 13.11.2017.
7. 87 % подростков в 2014 году стали свидетелями кибербуллинга [Электронный ресурс] // Новосибирский информационно-образовательный сайт. — Режим доступа: <http://www.nios.ru/node/11668>. — Дата доступа: 13.11.2017.
8. *Солдатова, Г. У.* Агрессоры и жертвы / Г. У. Солдатова, Е. Ю. Зотова // Дети в информационном обществе. — 2012. — № 11. — С. 42–51.
Soldatova, G. U. Agressoryi i zhertyvi [Aggressors and Victims] / G. U. Soldatova, E. Yu. Zotova // Deti v informatsionnom obschestve. — 2012. — N 11. — P. 42–51.
9. Online Bullying Among Youth 8–17 Years Old — Russia [Electronic resource] // WW Online Bullying Survey. — Mode of access: <http://download.microsoft.com>. — Date of access: 13.11.2017.

10. Неравенства в период взросления: гендерные и социально-экономические различия в показателях здоровья и благополучия детей и подростков: Международный отчет по результатам исследования 2013/14 гг. [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. Европ. регион. бюро. — Режим доступа: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0003/303465/HBSC-No.7-Key-Findings-Russian.pdf. — Дата доступа: 25.10.2017.
11. Cartoon Network объявил месяц антибуллинга. 2016 [Электронный ресурс] // Агентство социальной информации. — Режим доступа: <https://mel.fm/povosti/5679081-bullying>. — Дата доступа: 10.11.2017.
12. *Бочавер, А. А.* Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А. А. Бочавер, К. Д. Хломов // Психология. Журн. Высш. шк. экономики. — 2014. — Т. 11. — № 3. — С. 177–191.
- Bochaver, A. A.* Kiberbullying: travlya v prostranstve sovremennyih tehnologiy [Cyberbullying: Persecution in Space of Modern Technologies] / A. A. Bochaver, K. D. Hlomov // Psihologiya. Zhurn. Vyissh. shk. ekonomiki. — 2014. — T. 11. — N 3. — P. 177–191.
13. *Солдатова, Г. У.* Зона риска: Российские и европейские школьники: проблемы онлайн-социализации / Г. У. Солдатова, Е. Ю. Зотова // Дети в информ. о-ве. — 2011. — № 7. — С. 46–55.
- Soldatova, G. U.* Zona riska: Rossiyskie i evropeyskie shkolniki: problemy onlayn-sotsializatsii [Risk Zone: Russian and European Schoolchildren: Problems of Online Socialization] / G. U. Soldatova, E. Yu. Zotova // Deti v inform. o-ve. — 2011. — N 7. — P. 46–55.
14. *Черкасенко, О. С.* Феномен кибербуллинга в подростковом возрасте / О. С. Черкасенко // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии : сб. ст. по материалам ЛП междунар. науч.-практ. конф. № 6 (52). — Новосибирск : СибАК, 2015. — С. 91–94.
- Cherkasenko, O. S.* Fenomen kiberbullyinga v podrostkovom vozraste [Phenomenon of Cyberbullying in Adolescence Age] / O. S. Cherkasenko // Lichnost, semya i obschestvo: voprosy pedagogiki i psihologii : sb. st. po materialam LPI mezhduнар. nauch.-prakt. konf. N 6 (52). — Novosibirsk : SibAK, 2015. — P. 91–94.
15. *Белковец, О. С.* Феномен кибербуллинга среди подростков в социальных сетях / О. С. Белковец // Весті БДПУ. Сер. 1. — 2016. — № 2. — С. 46–49.
- Belkovets, O. S.* Fenomen kiberbullyinga sredi podrostkov v sotsialnyih setyah [Phenomenon of Cyberbullying among Teenagers in Social Networks] / O. S. Belkovets // Vestsі BDPU. Ser. 1. — 2016. — N 2. — P. 46–49.
16. *Малкина-Пых, И. Г.* Виктимология: психология поведения жертвы / И. Г. Малкина-Пых. — М. : Эксмо, 2010. — 864 с.
- Malkina-Pyih, I. G.* Viktimologiya: psihologiya povedeniya zhertvy [Victimology: Psychology of Victim Behavior] / I. G. Malkina-Pyih. — M. : Eksmo, 2010. — 864 p.
17. *Willard, N.* Cyberbullying and Cyberthreats: Responding to the Challenge of Online Social Aggression, Threats, and Distress / N. Willard. — NY : Research Press, 2007. — 320 p.
18. *Баранов А. А.* Психологический анализ причин подросткового кибербуллинга / А. А. Баранов, С. В. Рожина // Вестн. Удмурт. ун-та. Психология. Педагогика. Философия. — 2015. — Т. 25. — Вып. 1. — С. 37–41.
- Baranov A. A.* Psihologicheskiy analiz prichin podrostkovogo kiberbullyinga [Psychological Analysis of Reasons for Teenage Cyberbullying] / A. A. Baranov, S. V. Rozhina // Vestn. Udmurt. un-ta. Psihologiya. Pedagogika. Filosofiya. — 2015. — T. 25. — Vyp. 1. — P. 37–41.
19. *Takizawa, R.* Adult Health Outcomes of Childhood Bullying Victimization: Evidence From a Five-Decade Longitudinal British Birth Cohort / R. Takizawa, B. Maughan // American Journal of Psychiatry. — 2014. — Vol. 171. — № 7. — P. 777–784.
20. *Зинцова, А. С.* Социальная профилактика кибербуллинга / А. С. Зинцова // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социал. науки. — 2014. — № 3 (35). — С. 122–128.
- Zintsova, A. S.* Sotsialnaya profilaktika kiberbullyinga [Social Prevention of Cyberbullying] / A. S. Zintsova // Vestn. Nizhegorod. un-ta im. N. I. Lobachevskogo. Ser. Sotsial. nauki. — 2014. — N 3 (35). — P. 122–128.

VALENTINA SIMKHOVICH

**CYBERBULLYING AS A SOCIAL
PROBLEM OF MODERN SOCIETY**

Author affiliation. *Valentina SIMKHOVICH (simkhovich_v@mail.ru), Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus).*

Abstract. Grounds are given for the cyberbullying (online-bullying, virtual terror) as a social problem of a modern society. An acute character of the problem is explained by a global extension of the phenomenon as a universal way of self-affirmation mainly among the teenagers, trauma consequences of the virtual terror entailing socialization problems, destructive changes of the teenagers' personality and their deviant behavior. A need to study the cyberbullying with joint efforts of educators, psychologists, sociologists and jurists is given grounds for.

Keywords: virtual communication; cyberbullying; social problem; trauma consequences.

UDC 159.922.8

*Статья поступила
в редакцию 23.11. 2017 г.*

О. А. АЛАМПИЕВ

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
НЕРАВЕНСТВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ БЕЛАРУСИ**

Автором проанализированы социальные и экономические последствия, с которыми столкнулось современное общество в связи с увеличением социально-экономической дифференциации вследствие реализации нелиберальной экономической модели развития и экономической глобализации; определены социальные риски, вызванные высоким уровнем социально-экономического расслоения в условиях становления информационного общества и инновационной экономики.

Ключевые слова: социальная дифференциация; социальные риски; социальное развитие.

УДК 316.344

Олег Анатольевич АЛАМПИЕВ (alampijeu@gmail.com), кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).